

Виталий МОЛЧАНОВ

ГОРОД РОЗ

— Нам, дончанам, не нужны трёхэтажные коттеджи, мерседесы и огромные счета в банках, — уверенно поворачивая руль тяжёлыми руками шахтёра, говорил водитель Андрей, — единственная наша мечта — это мирное небо над головой. За четыре страшных года многое изменилось в сознании людей: население сплотилось, стало единым народом... Молча внимаем словам нашего гида, встретившего нас на ростовском железнодорожном вокзале. Вопросы будут потом, пока мы только привыкаем к окружающей нас обстановке. По обе стороны шоссе раскинулись необозримые донецкие степи, так похожие на наши родные, оренбургские. Дважды выскакивали на обочину лисы и на секунду застывали, провожая взглядом несущийся на приличной скорости автомобиль. «Зверья развелось видимо-невидимо», — поймав мой взгляд, заметил Андрей: «Охота строжайше запрещена, начнут бабахать охотнички, тут же армейские нагрянут — подумают, что украинская диверсионно-разведывательная группа работает». Настораживали тишина и столь редкое в этих краях движение на дорогах. Впереди нас ждала война.

Мы — писатели из Оренбурга Александр Филиппов, Диана Кан и я, Виталий Молчанов, едем во фронтową столицу Донецкой Народной Республики с культурной миссией — познакомиться коллег из Донбасса с современной оренбургской литературой, оказать поддержку единокровным братьям и сёстрам, своими глазами увидеть происходящее на омытой кровью донецкой земле. В багажнике серого «шевроле» комфортно разместилась необъятных размеров дорожная сумка, под завязку набитая книгами. Быстро темнеет, мы выезжаем на территорию ДНР через таможенную, расположенную рядом с Новоазовском. До оккупированного Мариуполя — всего 44 километра, до линии фронта — 25.

На улицах вечернего Донца пустынно — прохожих почти нет, с 23:00 до 05:00 в самопровозглашённой республике действует комендантский час. Военное время диктует свои суровые законы. В центре, как сообщил нам водитель Андрей, относительно спокойно, но на окраинах города по-прежнему обстановка остаётся напряжённой — украинская сторона

**В мемориальном
комплексе «Твоим
освободителям,
Донбасс»**

Пресс-конференция в Донецкой республиканской универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской

В Донецком республиканском музее Великой Отечественной войны

На встрече с литературной общественностью г. Макеевки гостей приветствует Ирина Зосенко

В Центральной городской библиотеке имени А. М. Горького г. Макеевки

продолжает стрелять по мирным кварталам. Поздним вечером того же дня, расположившись в уютном номере гостиницы «Центральная», мы узнали из боевых сводок, транслируемых местным телевидением, что в результате обстрела погиб парень 1992 года рождения, сиротами остались двое малолетних детей. Приказал открыть огонь военный преступник, полковник ВСУ Владимир Кокорев...

С утра было дождливо, как будто само небо оплакивало невинно убиенного молодого жителя Города роз. Нас уже ждали в Донецкой республиканской универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской — центре литературной жизни столицы ДНР. После небольшой пресс-конференции состоялась наша встреча с творческой интеллигенцией Донбасса. Мы с поэтессой Дианой Кан рассказали о крупных литературных мероприятиях Оренбуржья, представили литературный журнал «Гостиный Дворь» и его младшего братишку — альманах-приложение для детей «Гостиный Дворик», прочитали свои стихотворения. Прозаик Александр Филиппов познакомил собравшихся со своими книгами и также прочитал небольшой отрывок из неопубликованной повести. Потом настало время отвечать на вопросы. Благодарная аудитория долго аплодировала оренбуржцам, передавшим

в дар донецкой библиотеке внушительный набор книг писателей из далёкого Южного Урала. Кроме жителей Донецка, на встречу с нами приехали люди из самых отдалённых уголков Донбасса. Кстати, несмотря на непрекращающиеся боевые действия, в ДНР активно функционируют многочисленные литературные объединения. Пусть уровень их не всегда профессиональный, но люди продолжают писать поэтические и прозаические произведения, собираться для их обсуждения, жить полной литературной жизнью. Писатели Донецка, Горловки, Ждановки и других шахтёрских городов Донбасса передали нам свои книги и рукописи. Самые лучшие работы мы обязательно опубликуем в оренбургской периодике и в литературном журнале «Гостиный Дворь».

Как отметил наш гостеприимный хозяин — генеральный директор центральной библиотеки Игорь Горбатов, — в ДНР за четыре долгих года войны не закрылось ни одно учреждение культуры, все работали в штатном режиме. Ярким тому подтверждением стала премьера балета «Пер Гюнт» в оперном театре Донецка, на которой мы, оренбуржцы, имели честь побывать. Премьера собрала полный зал, было много восторженной и одухотворённой молодёжи. Великолепная музыка Эдварда Грига и блестящая постановка

хореографа Вадима Писарева сделали своё дело — был полный аншлаг! Если бы кто-нибудь вчера мне сказал, что я буду смотреть балет в воюющем Донецке — ни за что бы ему не поверил. Люди, опалённые войной, потянулись к спасительной культуре, чтобы вылечить раненные души, приобщиться к вечному и прекрасному. В театре нам сказали, что билеты на спектакли раскупаются влёт чуть ли не за две недели до начала представления. Точно такая же картина и в драматическом театре, и в театре юного зрителя. Библиотеки полны, музеи тоже посещаются замечательно. В этот же день нам посчастливилось посетить музей Великой Отечественной войны в мемориальном комплексе «Твоим освободителям, Донбасс». Двухуровневые экспозиции музея впечатляли: зал Победы, зал военной кинохроники, общий экспозиционный и оружейный залы. Отдельное место в музее занимают экспонаты, посвящённые сегодняшним горячим дням Донбасса — страшной братоубийственной войне. Работниками музея были собраны ценные экспонаты — оружие, личные вещи, фотографии героев ДНР, отдавших свои жизни в борьбе с современным фашизмом. Перед музеем на постаменте в память о погибших дончанах — отлитый из бронзы букет роз. У подножия его — те же прекрасные

цветы с распутившимися душистыми бутонами и колючими стеблями. Непокорённый Донецк — Город роз — ни прошлые фашисты, ни нынешние никогда сломить не смогут.

Мы в Макеевке — ближайшем городе-спутнике Донецка. Перед нами распахнула двери в Центральную городскую библиотеку имени А. М. Горького заведующая Ольга Конова. С караваем в руках на пороге полного зала нас приветствует Ирина Зосенко — поэтесса и медсестра, которая вывела и вынесла из-под обстрелов более тысячи человек. Сегодня солнечный осенний день, и здесь, в библиотеке, тоже всё складывается ярко и празднично. Звучат стихотворения и проза, Диана Кан и Александр Филиппов рассказывают о своём творчестве и творчестве оренбургских писателей, мы презентуем свои журналы и альманахи, затем передаём в дар библиотеке им. А. М. Горького книги оренбургских литераторов. Теперь и в Макеевке есть свой оренбургский библиотечный уголок. В свою очередь, руководитель городского литобъединения имени Н. Хапланова, поэт, член Международного сообщества писательских союзов (г. Москва) и Межрегионального Союза писателей Елизавета Хапланова поблагодарила нас за визит и поддержку, рассказала о том, чем живёт литературная Макеевка, о традициях

и литературных достижениях макеевцев. На память о встрече руководитель ЛИТО вручила подборки книг. Затем прозвучали стихотворения членов макеевского литобъединения Василия Толстоуса, Александра Рака, Александра Невидомого, Ирины Зосенко и других.

«Вернувшись домой, мы обязательно расскажем о героическом народе Донбасса, о людях, которые, несмотря на фронтные условия, тянутся к прекрасному», — говорю я и преподношу орenburgский пуховый платок заведующей Центральной библиотечной системой Макеевки Надежде Василенко.

Обратный путь оказался нам более коротким. Летели изпод колёс серого «шевроле» километры, шарахались в стороны

испуганные лисы, размышлял вслух знакомый наш водитель Андрей. «Скоро вновь запустят Донецкий металлургический завод, будем плавить металл», — вещал он: «Донецк — город славных рабочих традиций, мы не хотим быть нахлебниками у России... Лишь бы присоединили нас к себе побыстрее...» В багажнике комфортно разместилась необъятных размеров дорожная сумка, теперь уже набитая книгами и рукописями донбасских авторов. Мы уезжали, забирая с собой в Оренбург самые светлые воспоминания о славном Городе роз, о героическом народе Донбасса, родном нам по крови. Мирного вам неба, дорогие братья и сёстры! Победы! Мы один народ, одна страна...

Василий ТОЛСТОУС

«РОССИЯ – РОДИНА МОЯ»

Василий Николаевич Толстоус родился в 1954 году в городе Свердловске Ворошиловградской области Украинской ССР. Окончил Донецкий политехнический институт. Печатался в литературной газете «Отражение», альманахах «Свой вариант» (Луганск), «Многоцветье имён» (Донецк), «Капитановый дом» (Киев), «Серебряный дождь» (Московская область), «Семейка» (Германия), в журналах «Окна» (Германия), «Новый свет» (Канада), «Склянка часу» (Украина), «Три желания» Россия и др. Лауреат премий: им. Михаила Матусовского (2007), им. Владимира Даля (2010), им. Олега Бишарёва (2014), областной государственной литературной премии им. Виктора Шутова (2009). Автор нескольких книг стихов. Живёт в Макеевке (Донецкая Народная Республика).

* * *

Когда сойдёт последний свет
заката,
и тень укроет ближний
террикон,
тогда сверкнёт подствольная
граната
и разорвётся здесь, недалеко.
Начнут стрелять из рощи
пулемёты,
но красоту трассирующих пуль
вы, может быть, не сразу и
поймёте,
живя в домах, искрошенных в
щепу.
В подвале тоже, в общем-то,
неплохо:
коптит свечи огарок на столе,
и мать в углу укачивает кроху,
чей мир — пространство
маминных колен.
А так — вполне приличная
реальность:
садись, накормят кашей и
борщом.
Помочь, конечно, можете.
Морально.
Мол, как вы там. И есть ли вы
ещё.

Трепещут крылья пламени
свечи.
Все бабочки, наверное,
бессмертны».

* * *

Я обманул вас: смерти нет.
Причины нет грустить и
плакать.

Там, за орбитами планет,
я уверяю — лучший свет.
Не разводите носом слякоть.
Я снова весел. Пью нектар.
Размах не выразить словами:
сегодня сею пыль Стожар,
назавтра — невесомый пар,
и выюсь из чайника над вами.
...А впрочем, лгу: на стену лезь,
но сметь не вздумай торопиться:
ведь я никто, я просто взвесь —
так, пустота (попробуй, взвесь!),
всего изнанка, заграница.
...А так, конечно: смерти нет,
пока не стёрлась в детях память.
Укроет прах последний след —
и всё живёт. А смерти — нет.
Поют скворцы. Им что — весна
ведь.

* * *

Надену к ночи белую рубаху.
Возьму в ладонь зажжённую
свечу.
Горит огонь. Дышать не смею
в страхе,
что вдруг погаснет. Выйду и
молчу.
Простор. Цикады. Лунная
дорожка.
Вечерний ветер. Первая звезда.

Я постою на воздухе немножко,
пока шумит у берега вода,
и, вдруг услышав звуки
манголины,
пойму, что это мама у крыльца
ласкает струны музыкой
старинной
и бьётся бас надтреснутый
отца...
Горячий воск течёт и греет
кожу,
остывший воздух горло
холодит...
...Вдруг станет ясно: день
окончен. Прожит.
И неизвестно, сколько впереди.

* * *

В пять утра без будильника
солнце
прорвалось из-за дальних
холмов.
Рыжий кочет на крыше колодца
прокричал, что он жив и здоров.
Рошу ветер погладил по кронам,
свистнул сыч в ожидании сна,
и страну покрывалом зелёным
застелила к восходу весна.
У ворот самодельную флейту
в руки взял деревенский пастух.
Под мелодию близкое лето
тополёвый приветствовал пух —
он вздымался, кружился,
вертелся
и носился легко по дворам,
а совсем не имеющий веса,
плыл пастух и на флейте играл.

* * *

За окошком зелёная рощица
закрывает собой горизонт,

и, едва уловима, доносится
птичья песня с отвесных высот.
Будит сердце мелодия грустная.
Мелодичные птичьи слова
повторяет, качаясь без усталости,
молодая лесная листва,
и слова, расшифрованы

кронами,
переносятся вверх, к небесам,
чтобы там отразиться и
волнами,
с гулким эхом вернуться назад.
Понимаешь: слова очень

важные,
ты писал их на школьной доске:
одинаково ясные каждому,
на родном для тебя языке —
и уносятся ветром и листьями
к мудрецам, накопителям дум.
А у них, средь единственно
истинных,
слово «Родина» в первом ряду.

* * *

Смущаясь, дети попросили:
«Присядь, попей. Припомни,
дед, —
ты был когда-нибудь в России?
Ведь прожил, чай, немало лет.
Скажи: она вообще какая?
Такие ж хаты ли на ней?»
Ответил дед: «В ней нет окраин.
Земель немилых нет, верней.
В ней было место и Донбассу,
и прерий крымских ковылю.
Я понимал всегда и сразу,
что на Дону её люблю,
что я люблю её на Волге,
и на Днепре, и на Неве,
был не чужим в Москве нисколько,
ведь с детства думал о Москве».
«Ну, что молчишь? Ты озадачен?
Бывают лучшие края?»
«Я не молчу. Я просто плачу:
Россия — родина моя».

Ирина БАУЭР

ТРИ КОНФЕТКИ

Рассказ

Ирина Васильевна Бауэр родилась в Донецке. По образованию архитектор, математик, занимается преподавательской деятельностью. Волонтер гуманитарного штаба «Поможем» по спасению жителей Донбасса. Член Союза писателей ДНР и ЛНР (Донецк, Луганск) и Союза немецких литераторов Украины. Автор книги стихов и прозы «Тата». Печаталась в журналах «Крещатик», «Лиффт» (Москва), «Русское поле», «Берега», альманахах «Литературная губерния», «Без границ» (Израиль), «Литературный факел» (Москва) и др. Лауреат 2-го Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2016).

Корабельные сосны вторили ветру, упираясь в край горизонта. Подёрнутая зелёной ряской, вода речки уже освещалась вечерним солнцем, когда я покинул уютный ресторанчик при станции. Плотно пообедав, я с удовольствием вдыхал тугой хвойный воздух, возвращая таким образом устойчивую симметрию окружающего мира. Необыкновенно счастливыми казались расцветенные клейкой листвой деревья. Глубина погружения в изобретённую и проверенную радость оставалась максимальной. Достаточно усвоить нехитрый пустячок: по-настоящему счастлив лишь тот, кто не вникает без надобности в дела других людей.

Узкая дорожка прыгнула под ноги, приятно скрипел гравий, смешиваясь с тёплым песком. Я нащупал в кармане пачку сигарет, но она оказалась пустой.

До поезда у меня оставалось предостаточно времени. Основной пакет документов оформлен, дело фирмы процветало.

Я неспешно прогуливался вдоль обрыва, поросшего можжевельновыми кустами. В воздухе дрожали жирные цикады. Пахло прелым листом, сырым грибным духом из тёмных проплешин чащи.

Среди ветвей ивняка, серебрившихся под высоким изломом неба, послышалась напряжённая перебранка. Придя в необычное волнение, один из говоривших вдруг принялся орать во всё горло, что именно он обнаружил сакральную вещь.

— Где ключ?

— Там!

— Точно?

— Точней не бывает!

— Как взять?

— Не раздумывая!

— Молодец! Умён! Ты же Ленин!

В кустах мелькнула шишкастая розовая плешь, а затем возник и сам охотник за ключами — маленький жилистый мужичок.

— Сигаретой не угостишь? — спросил я.

Пренебрежительно сплюнув, мужичок оглядел меня так, точно я, чужак, выкрал вселенскую тайну, при этом узкие щёлочки глаз вдруг вспыхнули, напоминая замочную скважину.

— Есть поблизости магазин?

— Иди прямо!

Через минуту он растворился в кустах так же быстро, как и появился.

Спустя десять минут интенсивных поисков, среди набирающей густоту смоляных травостоев мелькнул магазинчик. В очереди к прилавку — красные, помеченные местечковой глушью лица. Я напористо протиснулся сквозь толпу, бросил на прилавок купюру, но продавщица, пальцем указала вверх толпы.

— Самый умный? В очередь!

Запах чеснока, самогона и припечённого ржаного хлеба растекался по всем углам. Продавщица, на синем фартуке которой было выведено чёрным фломастером имя «Катя», то и дело отсылала страждущих за «красненькой» — портвейном в конец очереди.

— Когда хлеб будешь давать? — слышалось со всех сторон.

Катя деловито выкладывала горкой тёплые буханки с деревянных поддонов на прилавок и при этом что-то неразборчиво бубнила под нос.

Я определил точку очерёдности в системе магазинных координат, а затем принялся рассматривать то, что трудно назвать витриной. Вперемежку со стопами сорочек, рейтуз и тапочек красовались вёдра разной вместимости, напоминая блеском каски кавалергардов. Во всём чувствовалась соразмерность неспешной жизни, а война казалась

запредельным крохотным пятном на рубахе. Постирал и забыл. Повторяемость рутинных на первый взгляд дел, вроде покупки хлеба или сигарет, ранит значительно больше, чем осколки. В этом заключается парадокс: попав в мирную жизнь, ты ощущаешь собственную незащищённость перед ней и тогда война, встав на пути, как ледяной торос, с новой силой обдаёт тебя мертвящим холодом.

Она, война, способна изменить твой личный штрих-код!

Отдалённый тяжёлый гул сотрясал горизонт, медленно накачивал, а потом грохотал, словно жестяной барабан.

В тот летний день мы с Наташкой устроились в тени дерева у небольшого пруда, попивая под копчёного леща пиво.

— Слышишь, как гремит?

— Это почти рядом.

— Может, обойдётся? — спрашивала меня Наташка, то и дело заглядывая мне в глаза.

Происходящее напоминало линию кардиограммы. Обнуление — смерть. Мошकारа хороводом праздновала август, покусывая тонкие Наташкины лодыжки.

— Я окончательно в тебя влюбился.

— Окончательно? Смешно, — говорила Наташка, пожимая узкими плечами.

Было ветрено. В воздухе кружили души влюблённых, охраняя клочок травостоя, в который

умещалась сейчас наша с Наташкой судьба. Мы приросли к пруду, белёсому выгоревшему небу и лапкам кровожадной мошकारы. Я ещё рассматривал происходящее под микроскопом, увеличивая расстояние между двумя графиками функций, грохочущими миномётами и моим городом. Война казалась мне далёким и абстрактным действием.

Спустя несколько месяцев Наташкин звонок ворвался неожиданно в предрассветное утро со снежной крупкой. По тому, как она брала высоко ноту, подменяя речь неким клёкотом, я понял, что случилось непоправимое.

— Это ужас! Началось!

Дома полыхали, глядя с экрана компьютера глазами неизлечимо больного зверя.

— Мне страшно! Помоги! — кричала она в трубку.

Высокий жилистый мужик с большими, несуразно узловатыми руками ходил по развороченному двору в одних трусах и майке и всё повторял и повторял:

— Это я виноват! Из-за меня началась война! Я что-то сделал не так!

Я ощутил полное обнуление вокруг себя. Сжался до боли в скулах родной город. Жизнь мучилась жаждой. Той, что томит мошकारу, стремящуюся на поле брани, каждый раз жая с новой силой.

Мысль работала мерно, спокойно и уверенно. Терпеливый чемодан предлагал себя в кровники, давая понять, что способен обеспечить безопасность пути в иную виртуальную реальность. Полупустой троллейбус принял нас двоих. Это не бегство, нет, это лёт мошкары! Вначале не замечаешь, а на второй день зуд на всём теле.

Город, где я осел, разомлев от снегопада, от белизны божьих простыней, напоминал мне детство. Разгадать бы его живописный ряд умилительных тонконогих барышень в джинсах и деловитых парней! Понимая, что размеренная жизнь такая же огромная удача, как принять в кровники чемодан, я наслаждался каждой отпущенной мне минутой счастья.

Проходит время, и категория дураков, подвергая прошлое бесстрастному анализу, оживляет затянувшийся фурункулёз прежних душевных ран. Но только не я! Спазмы совести казались мне противоестественными.

Внезапно дверь с шумом распахнулась и на пороге магазина появилась молодая, коротко остриженная черноволосая женщина, обожжённая загаром, в плюшевом халате с обвисшими краями. Мягко ступая в войлочных тапочках, вошла, прижимая к груди тщательно спелёнатого ребёнка. Я угадал её, вспоминая всё, от чего избавился, казалось,

навсегда. Наташке удалось, так же как и мне, покинуть зону военного конфликта, бежать сюда от миномётных обстрелов!

Сладковатый ветерок разносил запах горлицветов и чабреца, сводил с ума от теплоты мирной жизни.

Странно, но очередь сдалась сразу безо всякого сопротивления, расступаясь перед ней. Женщина гордо проследовала к прилавку.

Катя всплеснула руками.

— Наташка, ты опять?

— А в чём дело?

— Ну и когда ты перестанешь сюда ходить?

— Когда надо, — парировала покупательница.

— Ну? — тихо спросила Катя.

— Три конфетки, пожалуйста.

— А у тебя деньги есть?

Наташка пошарила в кармане плюшевого халата и протянула яркую конфетную обёртку.

— У меня только крупные.

Сдача будет?— спросила она.

— Я так и знала, — выдохнула Катя в синем фартуке.

Магазин, напоминавший жальщий улей, затих.

— Три конфетки, пожалуйста, — настойчиво тыкала она в руки продавщицы мнимую купюру.

— Не дам, надоела. Иди отсюда!

— Три конфетки, пожалуйста.

— Подходите следующий, — Катя нервно метала одну буханку за другой.

Очередь наливалась густым вязким любопытством. Три конфеты плыли в воздухе дугообразными буквами перед моими глазами. Я шагнул навстречу. Маленькая щуплая, с раскосыми скулами она смотрела на покупателя синими распахнутыми глазами, оцарапывая и притягивая одновременно. «Караимка, — подумал я. — Узнаёшь ли ты меня?»

Наши взгляды сошлись, но Наташка отвернулась, как от случайного прохожего.

— Бездушные, злые люди, — она осыпала толпу упрёками, не обращая на меня никакого внимания, — мне ж надо кормить. А если пропадёт молоко?

Три конфетки, как спасение, как последнее желание. Когда подошла моя очередь, я купил самые дорогие сладости. Катя почесала затылок, одёрнула синий лоснящийся фартук на округлом животе, затем облизнула морковные губы и осторожно спросила:

— И зачем ты её прикармливаешь? Надоела до чёртиков.

Я выхватил пакет и подошёл к Наташке. Она, неожиданно присмирив, стояла у окна, лишь поскуливала, как раненный животёрами щенок, заботливо прижимая к груди дитя.

— Угощайся.

Такого спрессованного счастья, граничащего с безумным восторгом благодарности, мне не приходилось видеть.

— Наташа, привет, — я тихонько окликнул женщину.

Моя дублёная шкура была приспособлена к любому неожиданному повороту судьбы, я ждал упрёков. Но здесь я сплосховал. Я дрогнул. Наташка меня не узнала!

Полупрозрачными пальцами прикоснулась к глянцевой упаковке так, точно боялась поверить в реальность происходящего, как вдруг ребёнок выпал из рук. Грохот накрыл присутствующих. Из пелёнок, распластавшихся на полу, выкатилась шестерёнка, отшлифованная до серебряного блеска. Сделав круг, деталь замерла, а затем, вибрируя, успокоилась. Наташка бросилась к ней и осторожно подняла.

— Маленький мой, родненький, — запричитала она. — Ты не ушибся, сыночек? А вот я сейчас поцелую мои сладкие ноженьки, рученьки. Не плачь, все устроится, обойдётся. Скоро дома будем.

Она закончила пеленать, вновь прижала к груди выдуманного ребёнка и покинула магазин. Очередь с облегчением вздохнула.

Дорога, единственная в этом месте, воздушным кружением вела меня в гору вдоль синей кромки леса. Наташка свернула влево и подалась к небольшому зданию, перед которым сиял изумрудный от солнечных лучей газон.

Война — гибельное состояние души, в момент наибольшей опасности проявляется некое отторжение её как таковой. Война — это затвердевшая субстанция, способная вытолкнуть из души человеческое начало, заполнив собой образовавшиеся пустоты. И вот ты уже клон самого себя.

Я мысленно попрощался с Наташкой, мне не было до неё никакого дела с момента, как я покинул прифронтовой город. Я вовремя выплеснул эту женщину вместе с войной из своей жизни. И если бы не провидение, что

схватив за шиворот, тащит нас по жизни, мы бы не встретились! Она испугала меня своей чужеродностью, тугим узлом собранных воедино потерь, жёсткой стойкостью прострелянного дорожного знака.

«Психиатрическая лечебница» — сияла тщательно очерченная надпись на свежевыкрашенном здании.

Я обернулся, Наташка смотрела мне вслед, застыв, как каменная баба у излучины дорог. Цикады пели мне вслед прощальную песню...

СТИХИ ПО КРУГУ

Надежда ГИРЯВЕНКО

ТРЕВОЖНЫЙ ЧЕМОДАНЧИК

Понятие это вошло в нашу жизнь
так обычно
Приказом начальства,
статьёю газетной,
листочкой подъездной.
И враз чемоданчик тревожный
стал вещью привычной.
Его содержание в городе нашем
любому известно.
Под номером первым —
по списку идут документы,
Под номером «два» —
вещи ценные, деньги наличкой
(коль было),
Под третьим — лекарства,
их разные ингредиенты,
А дальше — бутылка воды,
чашка, нож, свечка,
спички и мыло...
Сегодня вошли в наши будни
тревога и горе.
Бывает, я путаю грома раскаты
и грохот орудий.
Такой чемоданчик
стоит у меня в коридоре.

Когда я смотрю на него,
То молось:
«Пусть он нужен не будет».

ДЕРЖИСЬ, ДОНЕЦК!

Дождливого и сумрачного утра
Рассеянный, тревожащий
аккорд...
Гром в отдалении. Нитью
перламутра
Рассвет бледнеет, словно
полустёрт.
К полудню город, закипев,
забудет,
Как начинался серый этот день.
Рассеянный аккорд дождливых
будней
Исчезнет, как полуденная тень.
И город нас проспектами
обнимет,
Целуя ветерком и суетой...
Я помню эту мирную картину...
Сейчас она разорвана войной...
А утро наступает как и прежде
Для жизни, для свершений,
для любви...

И я молось и Богу, и надежде:
«Пусть будет мир! Держись,
Донецк! Живи!»

Екатерина РОМАЩУК

ГОРЛОВСКАЯ МАДОННА

Солнечный день, но ещё не жара.
Дочка сжимает ладошку.
Скоро нам спать с тобой будет
пора,
Только пройдемся немножко.
Лето. Июль. У людей
выходной.

В небе поющие птицы.
Скоро с тобою вернемся домой,
И ничего не случится.
Лучше покушаешь, крепче
поспишь.
Ты ведь, конечно, устала.
Видишь, как птицы слетели
вдруг с крыш?..
Взрыв!.. И земля разорвалась...
Падают люди один за другим,
Чья-то пылает квартира.
Паника. Грохот. Огонь.
Едкий дым.
Доченька... доченька... Кира...

Анна РЕВЯКИНА

Мы — подвальные, мы —
опальные,
кандалы наши тяжелы.
Мы — идея национальная,
мы — форпост затяжной войны.

Чёрной совести боль фантомная,
боль, что мучает по ночам,
эта домна внутри огромная,
наша ненависть к палачам.
Мы священные, мы убогие,
мы у Боженьки в рукаве.
И глаза Его слишком строгие.
И следы Его на траве.
Утром встанем, пересчитаемся,
похоронимся, поревём.
Эх, война-война — девка та ещё!
Частоколы да бурелом,
заминированы окраины,
человеческий страшный суд.
Авель помнит, что всюду Каины,
только высунешься — убьют.

Виктория ЛАБЗОВА

* * *

Украденное детство... Боль и
страх.
Не страшный сон. Реальность.
Это было.
Когда открыв глаза, ты вся в
бинтах
И понимаешь, его нет. Вчера
убило.
И вой души: «За что? Ведь он
мальш!
Невинный, невиновный,
непроживший».
А кто-то всё решил за вас самих
И не спросил желания у
Высших.
А ты осталась... Почему? Зачем?
Вся эта боль. Кому нужна,
не зная.
И тихо стонет сердце исподволь,
его убийц словами проклиная.

И память повторяет, как в кино,
мгновения из той счастливой
жизни.

А разум говорит: ушли давно,
и ты, увы, не повторишь их.
И смысла уже нет. Куда идти?
Кого вести за руку за собою?
И сколько долгих лет должно
пройти,

чтоб ты смирилась с данною
судьбою?

Украденная жизнь, и не одна.
Поломаные судьбы,
поколение...

а Души умерших детей
напомнят нам:
Донбасс никто не ставил на
колени.

Анатолий ГРАВЧЕНКО

* * *

Беспомощность страшной
невзгод,

Игрушка дураков и рока.
Страну в сраженьи третий год
Корёжит на полях Востока.
И разьежжается народ
Спасать свою больную Долю
На север, запад и восход
Стерней, горящую по полю.
И, провожая в дальний путь,
Разлукой с каждым в сердце
ранен,

Им завещаю: «Не забудь!
Не забывай, что ты дончанин!»

Сломали дерзко все и вся,
Разруха хуже Вавилона.
С гранатой в руке босяк,
Король в короне из картона.

Господь грозился: «Аз воздам».
Пока устроит ад банкирам,
Придётся потрудиться нам
Создать условия для мира.
Чтоб каждого домой вернуть,
Я верю — этот миг настанет.
Напоминаю: «Не забудь!
Не забывай, что ты дончанин!»

Разлука с близким — ад в душе,
Неважно, где пройдёт граница.
Нам не хватает малышей,
Тепла их рук. И часто снится,
Что с ними надо убежать,
спасти от взрывов и обстрела...
Я видел, как однажды мать
Почти в минуту поседела.
И, познавая жизни суть,
Добра и зла стальные грани,
Я умоляю: «Не забудь!
Не забывай, что ты дончанин!»

НАСЛЕДСТВО

Моё бесценное наследство
Не баснословный гонорар.
Писать стихи, как цель и
средство,
Отец оставил мне, как дар.
Его красивый чёткий почерк
Стихов и писем фронтовых
Читался в буквах и меж
строчек,

Что он в бою среди живых.
И каждый раз в деревне мама
Была тогда героем дня.
И полыхал конверт, как знамя,
На бликах тусклого огня.
И мама верила — он гений!
И это было вправду так.

Его военное везенье
 Сияло на клочках бумаг.
 Когда война пожаром дымным
 Сошла, безумная, на нет,
 Путём извилистым и длинным
 Седым пришёл домой поэт.
 И не осталось на поэмы
 Ни сил, ни времени порой.
 Исчерпаны разлукой темы
 Ей равной не было другой.
 Но Божий дар во взгляде синем
 И жар душевного огня
 Сумел отдать в наследство сыну...
 И этот дар хранит меня.

ОСЕННЕЕ...

Воробьиный крик,
 Воробьиный звон,
 Тополиный лист — невесом и сух...

Мой осенний миг,
 Мой осенний сон,
 Шорох лиственный убаюкал
 слух...

Солнце ластится,
 Тень — косынкою,
 Паутинкой — лень:
 не отцепишься,

Синим платицем,
 Ломкой льдинкою,
 Каждым камешком речка
 светится...

Осень ранняя,
 Рыжей девочкой
 Вдоль лесных полос —
 глянь-ка, вон она!

Память раною
 Каждой веточкой
 О несбывшемся
 растревожена...

